

РУССКИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ

ДВИГАТЕЛИ ПРОГРЕССА

С.Т. МОРОЗОВ

Г.Г. ЕЛИСЕЕВ

Н.А. ДЕМИДОВ

Ирина Анатольевна Мудрова

Русские предприниматели.

Двигатели прогресса

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11614283

*Русские предприниматели. Двигатели прогресса / Сост. Мудрова И.А.: Центрполиграф; Москва;
2015*

ISBN 978-5-227-05982-6

Аннотация

История русского предпринимательства хранит множество славных имен: Строгановы, Прохоровы, Морозовы, Демидовы, Елисеевы, Бахрушины, Сибиряковы... Много ярких страниц вписали они в летопись России, ведь грамотный предприниматель приумножает не только свое личное богатство, но и создает рабочие места, строит дороги, осваивает новые территории, ищет способы снижения потерь, работая этим на благо своего государства.

Это были люди могучие в жизни и в деле, чуткие ко всему новому. В сердце своем они хранили заветы отцов, любовь к Отечеству. Российские торговцы и промышленники на свое занятие смотрели большей частью не как на источник наживы, а как на жизненную миссию: богатство Богом дано, но ему придется отчет давать, каким путем приумножил, послужил ли чьей пользе. Благосостояние строилось, как правило, на нелегком, кропотливом труде, осмотрительности, самоограничении и творчестве. Именно этому учит вся история российского предпринимательства. Ценен вклад этих людей и в культуру нашей страны: они в большей мере, чем другие социальные группы, сохраняли самобытные черты и ценности национального сознания народов России и российской культуры. Давайте же с благодарностью вспомним эти имена.

Содержание

Предисловие	4
Климьята	7
Никитин Афанасий	9
Минин Кузьма	12
Светешников Надей	15
Никитин Гаврила	17
Босов Кирилл	18
Никитников Григорий	20
Гурьев Михаил	22
Морозов Борис Иванович	24
Строгановы	27
Виниус Андрей Андреевич	31
Антуфьев Никита Демидович	34
Демидов Акинфий Никитич	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Русские предприниматели. Двигатели прогресса Составитель Мудрова И.А

Предисловие

История русского предпринимательства хранит множество славных имен. В их числе и целые семьи: Строгановы, Прохоровы, Морозовы, Демидовы, Елисеевы, Бахрушины, Сибиряковы.

Предприимчивая и энергичная деятельность семьи Строгановых по праву становится символом российского предпринимательства в эпоху Ивана Грозного. Основатель рода Строгановых, Аника Федорович, продолжил и развил солеваренное дело отца.

Много ярких страниц в историю российского предпринимательства вписали московские текстильные фабриканты Прохоровы. Сын основателя этой семьи Ивана Прохорова – Василий открыл в Хамовниках небольшую пивоварню. Но «пивоваренный торг томил его», «ибо невозможно желать, чтобы народ больше пил и через то разорялся». Прохоров нашел другое применение своему таланту предпринимателя и стал миллионером.

Это были люди могучие и в жизни, и в деле, чуткие к новому. В сердце своем они хранили заветы отцов, любовь к Отечеству. Российские торговцы и промышленники на свое занятие смотрели большей частью не как на источник нажины, а как на своего рода жизненную миссию: богатство Богом дано, но ему придется отчет давать, каким путем приумножил, послужил ли чьей пользе. В России всегда считалось, что та фирма хороша, которая торгует дешевле конкурентов, но не за счет персонала. Те же предприятия, где на служащих экономили, откуда сбегали люди, называли «проходной двор». В купеческой среде интересовались, каким путем сколочен капитал: ростовщиков, откупщиков и тех, у кого «неплатежа» (кто наживался за счет обмана кредиторов), не любили. Благополучие строилось, как правило, на нелегком, кропотливом труде, осмотрительности, самоограничении и творчестве. Именно этому учит вся история российского предпринимательства.

До революции 1917 года предпринимателей в России называли купцами. Это были люди, которые занимались торговлей или производством. В зависимости от размера капитала купцы делились на гильдии:

- 1– я гильдия – от 20000 до 50000 руб.
- 2– я гильдия – от 8000 до 20 000 руб.
- 3– я гильдия – до 8000 руб.

Звание купца приобреталось уплатой за гильдейское свидетельство. До 1898 года гильдейское свидетельство было обязательно для права торговли. Позднее – необязательно и

существовало лишь для лиц, желающих пользоваться некоторыми преимуществами, присвоенными купеческому званию, или участвовать в сословном управлении.

Преимущества были такие:

- освобождение от телесного наказания (для торговцев крестьянского сословия очень важное),
- право при известных условиях на почетное и потомственное почетное гражданство (дарующее преимущества купеческого звания без выбора и гильдейского свидетельства),
- возможность получить звание коммерции советника (чин с титулом превосходительства),
- некоторые права по образованию детей,
- право участия в городском самоуправлении (независимо от обладания недвижимой собственностью),
- участие в сословном самоуправлении.

В 1785 году российские купцы получают от императрицы Екатерины II жалованную грамоту, которая сильно возвысила их положение. Согласно этой грамоте все купцы были разделены на три гильдии.

Жалованная грамота предоставила купечеству монополию на торговую деятельность, что вызвало приток записавшихся в это сословие. Купцы первой гильдии могли вести заграничную торговлю, владеть морскими судами и имели право свободного передвижения по стране – так называемую «паспортную льготу». Купцы второй гильдии могли владеть речными судами. Кроме того, купцы первой и второй гильдии могли владеть фабриками и заводами, освобождались от телесных наказаний и от рекрутской повинности. Купцы третьей гильдии могли вести мелочную торговлю, содержать трактиры и постоялые дворы, заниматься ремеслом. Для поощрения купцов было введено Почетное гражданство.

Много крупных и мелких промышленников вышли из крестьян. Еще в дореформенную пору самые инициативные крестьяне, работая на предприятиях своих хозяев, через подставных лиц вкладывали деньги в прибыльные дела. Сколотив капитал, покупали «вольную», а затем приобретали небольшие фабрики и заводы. Разбогатевшие «капиталистские мужики» со временем записывались в купцы, становились почетными горожанами. Бывшие крестьяне Алексеевы, Рябушинские, Крестовниковы, Солдатёнковы положили начало самым крупным и знаменитым предпринимательским династиям.

Возможности для быстрого преобразования производства и торговли открыла крестьянская реформа 1861 года, освободившая много рабочих рук. В 1863—1865-х годах правительство приняло законы, которые давали право на «торговлю и другие промыслы лицам всех сословий без различия пола, как русскоподданным, так и иностранцам». Члены купеческих гильдий, городская аристократия и поместные дворяне, крестьяне, колонисты в местах их поселения, евреи в черте оседлости обрели свободу предпринимательства и получили свидетельства на занятие производственной и коммерческой деятельностью.

К концу XIX века в Петербурге текстильными предприятиями владели 35 купцов, 2 дворянина, 69 мещан, 35 крестьян, а металлообрабатывающими заводами – 45 купцов, 18 дворян, 257 мещан, 192 крестьянина. Быстро шли в гору дела у тех, кто занялся производством сахара.

К началу XX века сословные границы купечества потеряли четкость, многие богатые представители купечества получили дворянские титулы, и, наоборот, его ряды пополнила часть мещанства и крестьянства. Купечество стало основой формирующейся торговой, финансовой и промышленной буржуазии.

После 1917 года предпринимательство в нашей стране было объявлено спекуляцией и запрещено под страхом смертной казни. К 1920 году были истреблены или бежали за границу более 100 тысяч предпринимателей. Страна лишилась важнейшего рычага экономи-

ческого развития – профессиональных организаторов и руководителей производства, вдохновителей технического прогресса. Не меньшие потери претерпела и российская культура: российские предприниматели в большей мере, чем другие социальные группы, сохраняли самобытные черты и ценности национального сознания народов России и российской культуры.

Климьята XIII век

Первое русское государство образовалось в конце девятого века из-за налаживания торговопредпринимательских связей населявших территорию племен. Первое государство Русь объединило более двухсот различных славянских племен и еще некоторые финно-угорские и литовско-латышские племена. В X–XI веках активно росла внешняя торговля с восточными соседями, которые проживали вокруг Волги. Это были богатые торговые царства того времени: Хазарский каганат и Волжская Булгария. Общение с этими предприимчивыми волжскими народами позволило славянским племенам включиться в торговлю по Волжскому пути, который являлся ответвлением Великого шелкового пути.

Опорой развития торгово-предпринимательских отношений становились города, потому что они являлись ремесленно-торговыми центрами. В скандинавских письменных свидетельствах IX века Русь именуется «страной городов». При князе Владимире в конце IX века городов было 25; в XI веке, в период расцвета – более 89; перед нашествием Орды, в начале XIII века – 271. В них процветала торговля, и по внешнему виду они напоминали пестрые многолюдные ярмарки.

На Руси одним из самых характерных купеческих городов был легендарный Новгород Великий. Торговлей здесь занималась большая часть населения, купца почитали как главную фигуру. О них складывали сказки и легенды. Новгородские купцы вели свою торговлю и промысловую деятельность артелями, которые назывались компаниями. Кроме купцов-предпринимателей в них входили хорошо вооруженные люди. Купеческих артелей в Новгороде насчитывались десятки. Самые основательные новгородские купцы входили в торгово-промышленное объединение, именуемое тогда «Иваново сто».

У этой организации был общий гостиный двор, где ее члены – купцы складывали до поры свои товары, а также они устроили «гридницу» – помещение, где проводили деловые совещания. На общем собрании своей организации «Иваново сто» купцами выбирался староста, который руководил делами этой артели, следил за расходами общественной кассы и правильным оформлением деловых документов.

Отлично развитая система торгово-купеческого предпринимательства на фоне народного самоуправления были главными условиями экономического процветания Древнего Новгорода.

Успехи роста купеческой деятельности в Древней Руси подтверждались бурным развитием в Новгороде кредитных отношений. Известно, например, что новгородский купец Климьята (Климент), умел сочетать свою широкую торговую деятельность с предоставлением кредитов – «дачей денег в рост». Он жил в конце XII – начале XIII века. Климьята, естественно, был членом «купеческого ста» (это еще один союз новгородских предпринимателей). Он занимался преимущественно бортным промыслом, а также скотоводством. В результате его предпринимательской деятельности к концу жизни ему принадлежали «четыре села с огородами».

Чтобы упорядочить свои дела, перед смертью он составил духовную. Здесь он перечислил свыше десятка различных по роду занятий людей, связанных с ним предпринимательской деятельностью. Науке известен один из древнейших русских актов, сохранившихся в подлиннике.

Это и есть «Духовная Климента», составленная примерно в начале XIII века. Она подтверждает тогдашнее широкое развитие на Руси товарно-денежных отношений.

Новгородский купец Климент успешно торговал медом и продуктами скотоводства и имел возможность «давать деньги в рост». Это было начало банковских отношений. Из списка должников Климяты видно, что он «давал в рост» также и «поральское серебро». Это было наиболее выгодно, поскольку за это взимались проценты в виде наклада. Бурная деятельность Климяты была такова, что он не только предоставлял кредиты, но иногда брал их. Так, записано, что он завещал в уплату своего долга кредиторам Даниле и Воину два своих села. О семье купца-ростовщика ничего не известно. Все свое состояние Климята завещал Новгородскому Юрьеву монастырю. Этот случай был типичен для того времени.

Никитин Афанасий Умер в 1475

Афанасий был купцом из города Твери. Во времена Афанасия Тверь не входила в Московское княжество, она была еще самостоятельным княжеством. Афанасий родился в крестьянской семье Никиты, по-видимому, «Никитин» – отчество Афанасия, а не фамилия. Неизвестно, в каком году родился Афанасий Никитин.

Этот человек совершил путешествие в 1468–1474 годах. Он ездил по Кавказскому побережью Каспийского моря, Персии, Индии, Турции, Крыму и югу Руси. Обратный путь его лежал через африканский берег – Сомали, – Маскат и Турцию. Он вел путевые записки, известные человечеству как произведение «Хождение за три моря». Записки представляют собой не описание паломничества, а поездки по торговым делам. Оно насыщено наблюдениями обо всей жизни заморских стран – политическом устройстве, экономике и культуре диких народов.

Перед путешествием Афанасий, собиравшийся развернуть широкую торговлю в районе современной Астрахани, получил грамоту от Великого князя Тверского Михаила Борисовича.

Афанасий Никитин входил в товарищество купцов. Они снарядили два судна, наполнив их разным товаром для выгодной торговли. Торговал Афанасий Никитин, как видно из его записей, «рухлядью», то есть пушниной. Она очень ценилась на многочисленных рынках нижней Волги, а также Северного Кавказа. Другие купцы имели свои суда в этом караване, который плыл по Волге. По всей вероятности, Афанасий Никитин был опытным купцом, к тому же смелым и решительным. Он до этого не один раз посещал заморские страны – Византию, Молдавию, Литву, Крым. В прошлые разы ему удавалось благополучно возвращаться домой с дикивинным товаром, об этом он косвенно упоминает в дневнике.

Тверские купцы выехали из родного города летом 1466 года. Они плыли на двух судах, собираясь осуществить заморскую торговлю в далеких краях: в низовьях Волги и за морем Дербенским – Хвалынским, – так в старину называлось Каспийское море. По своей сути это была обычная коммерческая поездка каравана речных судов по Волге из Твери до Астрахани для налаживания экономических связей с азиатскими купцами. По Великому шелковому пути, проходящему через знаменитую Шемаху, шла оживленная торговля. В планах Афанасия Никитина посещения Персии и Индии не было.

Караван судов плыл мимо городов Калязина, Углича, Костромы, Плеса. Об этой части пути в дневнике Афанасия очень короткие записи: всем известные места, обычная походная жизнь. В Нижнем Новгороде произошла длительная остановка. Здесь караван плыл «сторожко и с опаской», ездить по Волге в то время было небезопасно: местные разбойничьи шайки татар нещадно грабили купцов.

Все же в дельте Волги на тверских купцов напал отряд астраханского хана Касима. Путешественникам пришлось взяться за оружие. Нападающие татары «застрелили у нас человека, а мы у них двух застрелили», – сообщает Никитин. К несчастью, одно из суден не прошло через рыболовный ез, а второе село на мель. Татары разграбили эти суда, в плен попало четыре русских путешественника.

Уцелевшим двум судам удалось пробиться в Каспийское море. Однако меньшее из них судно, на котором было «6 москвичь да 6 тверичь», во время бури разбило и выбросило на прибрежную мель близ Тархы (Махачкалы). На побережье жили кайтаки, которые разграбили товар, нескольких путешественников же захватили в плен. В Твери Никитин брал товар для заморской торговли в долг, поэтому утрата товара грозила ему по возвращении

не только позором, но и привела бы его в долговую яму. Возвращаться в Тверь он не мог, а торговать ему было нечем – все пропало. Так и пришлось Никитину решиться пойти в разведку в чужие страны в надежде на удачу и собственную смекалку и предприимчивость. Никитин много слышал об Индии и ее сказочных богатствах и рискнул отправиться именно туда. Путь лежал через Персию.

С десятком русских купцов Афанасий Никитин попал на посольское судно. До города Дербента добрались благополучно, а из Дербента в Баку. Прежде всего Никитин позаботился об освобождении пленных.хлопоты его увенчались успехом: кайтаки через год освободили купцов. Но товар разбойники не вернули.

Из Баку в сентябре 1468 года Никитин отправился в прикаспийскую персидскую область Мазандеран. Перевалив горы, которые он называет Эльбурс, затем двинулся на юг. Никитин ехал по южным странам не торопясь, иногда по месяцу жил в каком-нибудь поселении, пытаясь заниматься торговлей. Он пересек Персию от Чапакура на южном побережье Каспия вплоть до Ормуза, куда он попал весной 1469 года. Город-порт Ормуз тогда был большим и оживленным портом Каспийского моря, где пересекались торговые пути из Малой Азии, Египта, Индии и Китая. Товары из Ормуза доходили и до Руси. Особо были известны «гурмыжские зерна» (жемчуг). Никитин, узнав, что из этих мест вывозят в Индию лошадей, которые там «не родятся» и очень дорого ценятся, приобрел на последние деньги хорошего коня с целью выгодно продать его в Индии. Из Ормуза по Индийскому океану он доплыл до Индии: 23 апреля 1471 года сел на судно и через шесть недель прибыл в индийский город Чаул. Он надеялся, что там можно продать коня и дешево купить товары для перепродажи их на Руси.

Выгодно сбыть жеребца удалось не сразу. Никитин долго путешествует по разным городам Индии под видом простого ходжи. Его подвергали гонениям. Много натерпелся он от местных властей. Наконец он достиг Бидара, многолюдной столицы государства Бахмани. Только здесь ему удастся продать коня. Тверской купец Афанасий Никитин около трех лет путешествовал по Индии. Его путевые записи соотносятся с индийскими хрониками 1471–1474 годов, уточняют и дополняют их. Никитин описал все диковинное и необычное для русского человека: пышные выезды местного султана, страшную нищету крестьян. Его удивляли кастовые и религиозные различия: «разных вер люди друг с другом не пьют, не едят, не женятся».

Странствия за морями Афанасия Никитина продолжались. В январе 1472 года он добрался до священного города Парвата, там он прожил полтора года. Затем почти полгода Никитин провел в одном из городов «алмазной» провинции Райчур. Наконец он принял решение вернуться на родину.

Купеческая деятельность Афанасия Никитина не имела успеха. Он совершил единственную торговую сделку – перепродал таки жеребца, как сам описывает в «Хождении». Но она обошлась ему в убыток. В его дневнике с досадой записано: «Меня обманули псыбасурмане: они говорили про множество товаров, но оказалось, что ничего нет для нашей земли... Дешевы перец и краска. Некоторые возят товар морем, иные же не платят за него пошлину. Но нам они не дадут провезти без пошлины. А пошлина большая, да и разбойников на море много».

Никитину предстоял путь домой – через Персию и Трапезунд к Черному морю и далее в Кафу (Феодосию). До родной Твери он, однако, так и не добрался. Первый русский путешественник «за три моря» умер в дороге под Смоленском – тогда это была территория Великого княжества Литовского – осенью 1474 года.

В 1475 году рукопись «Хождения за три моря» попала в руки московского дьяка Василия Момырева. Прочитав, тот сразу же понял, какую ценность представляют записи купца. Ведь до Никитина русские люди не бывали в Индии. Текст Никитина был внесен в Летопис-

ный свод 1489 года. Но этот текст, при включении его в летопись, был значительно сокращен. В XVI–XVII веках «Хождение...» неоднократно переписывалось. Историк и писатель Н.М. Карамзин в начале XIX века случайно наткнулся на один из летописных сводов «Хождения...». Благодаря ученому далекое путешествие тверского купца Афанасия Никитина стало известно читающей общественности.

Афанасий Никитин по праву считается не только первым русским путешественником вообще. Его можно считать европейским купцом, побывавшим в Индии за четверть века до знаменитого португальца Васко да Гамы.

Минин Кузьма XVI–XVII век

Предки знаменитого гражданина России Кузьмы Минина происходили из небольшого волжского города Балахны, расположенного недалеко от Нижнего Новгорода. Они с XVI века промышляли торговлей, а также добычей соли.

Семья его отца, балахнинского солепромышленника Мины Анкудинова, была многочисленной. «Минин» – это отчество Кузьмы, которое лишь начиная с него стало родовой фамилией Мининых.

В писцовой книге дворцовой Зауольской волости Балахнинского района за 1591 год есть данные, что «за балахонцем за посадским человеком за Минею за Онкундиновым» числится три деревни с «12 десятинами перелога и 7 десятинами хоромного леса». Потомки же Кузьмы в XVII веке владели в Балахне значительным состоянием: лавками, городскими дворами, соляными варницами.

Старшие братья Кузьмы Иван и Федор продолжали промысел в Балахне, а Кузьма покинул родной город и переселился в Нижний Новгород. Там он занялся перекупкой скота и со временем стал хозяином мясной лавки. Известно, что к этому времени у Кузьмы уже был взрослый сын Нефед от жены Татьяны Семеновой.

Лавка Кузьмы Минина располагалась на нижнем нижегородском торгу, под стенами кремля. Поскольку Минин отличался хозяйственной хваткой, предприимчивостью, рассудительностью и справедливостью, он, очевидно, заслужил уважение посадских торгово-ремесленных людей.

В 1611 году был разгар сложного периода в истории Русского государства, который назван Смутным временем. В это время нижегородское население избрало его земским старостой. Минин почувствовал в своем избрании «начало Божия промысла». У него были силы и мужество агитировать за «собрание ратных людей на очищение государству».

Минин понимал необходимость объединяться всем слоям населения, собирать средства и силы для освобождения Отечества. Горожане Нижнего Новгорода на всенародном сходе приговорили начать сбор средств на войско, которое было названо Ополчением. Большую помощь оказали этому движению богатые нижегородские купцы и предприниматели. Минин согласился быть казначеем народного ополчения, это была хлопотливая и не всегда благодарная административная должность.

Нижегородцы собрали столько денег, что получили возможность нанимать в войско служилых людей. Воеводой пригласили героя московского восстания против захватчиков князя Пожарского. Минин был старше воеводы Пожарского лет на пятнадцать. Соратники Пожарский и Минин всеми силами старались добиться, чтобы народное ополчение превратилось в хорошо вооруженное и боеспособное войско.

Вскоре в Нижний Новгород стали приезжать дворяне и служилые люди. Это были сначала патриоты из захваченной поляками Смоленской земли: «смоляне, дорогобужане, вязьмичи», как их перечисляли в документах тех лет. Затем сюда потянулись люди и из других русских городов – «коломнич, резанцы», – в том числе «многие люди и казаки и стрельцы, кои сидели на Москве при царе Василье». Оплата ратникам, закупки разного вооружения и прочих необходимых вещей требовали все более значительных средств. Заведуя казной Ополчения, Минин твердой рукой сумел обеспечить поступление средств. Он брал с основного населения пятую, а с богатых третью часть имущества. Сам он отдал все, что было значительного в его имуществе, – вплоть до драгоценностей жены и серебряных окладов с

икон, как повествует предание. По другому источнику, Кузьма внес в общую казну 100 из имевшихся у него 300 рублей.

После военных побед в борьбе с польскими оккупантами на плечах Минина по-прежнему лежали все финансовые и хозяйственные заботы.

На земском соборе в феврале 1613 года избрали царем Михаила Федоровича из рода Романовых. С этих пор, боясь соперничества, завистники и недоброжелатели стали быстро оттеснять от трона героев освободительной борьбы. Вновь избранный молодой царь Михаил Федорович все же отметил их заслуги. Дмитрий Пожарский стал боярином в июле 1613 года, а Кузьма Минин – думным дворянином. Это был третий по значению чин в Боярской думе. Минину пожаловали в соответствии с должностью оклад 200 рублей в год и двор в Нижегородском кремле рядом со Спасо-Преображенским собором.

После 1613 года Минин по своей должности занимался сбором «пятины» – двадцатипроцентного налога «с гостей Гостиной и Суконной сотен и с черных сотен и слобод». Будучи думным дворянином, теперь Кузьма постоянно проживал в Москве. Ему приходилось выполнять различные правительственные поручения. Его сын Нефед и братья вели торговые дела в Нижнем Новгороде.

Минин верно служил новому правительству. 20 января 1615 года за это царь Михаил Федорович «пожаловали есмь думного своего дворянина Кузьму Минича за его, Кузьмину, многую службу» вотчиной в селе Богородском Нижегородского уезда с девятью деревнями. Впоследствии эта недвижимость перешла по наследству к его жене и сыну. В мае 1615 года в Нижнем Новгороде произошел инцидент, по итогам которого Кузьма обращался к царю с челобитной, прося освободить своих родственников – сына, братьев и своих крестьян – от подсудности нижегородским властям. Его просьба была удовлетворена.

Незадолго до смерти, в 1615 году, престарелого Кузьму Минина командировали вместе с таким же доверенным князем Ромодановским в Казань для проведения следствия по делу восставших местных черемисов. После дознания они приказали подвергнуть наказанию – пытке – служилого дворянина Саву Аристова. Было выяснено, что его злоупотребления и вызвали возмущение. В Москву Минину уже не пришлось вернуться. Он умер, вероятно, на обратном пути из Казани в первой половине 1616 года. Его привезли в Нижний Новгород и похоронили на кладбище Нижегородского кремля.

Сын Минина Нефед Минин вскоре переехал в Москву. Ему дали чин стряпчего, в котором он пребывал при царском дворе. Во время двух бракосочетаний царя Михаила Федоровича (в 1624 году – с М.В. Долгорукой, а в 1626 году – с Е.Л. Стрешневой) он участвовал в свадебных церемониях в качестве фонарщика, что являлось немалой честью. Сам он был женат. До смерти он владел отцовской выслуженной вотчиной в Нижегородском уезде и подмосковным поместьем, купленным в качестве вотчины. Умер Нефед бездетным между 1 сентября 1632 года и апрелем 1633 года.

Дела его, однако, оказались запутанными. Анне, вдове Нефеда Минина, и Татьяне, его матери, за заслуги Кузьмы правительство выделило небольшое поместье. Но им пришлось из-за этого имущества несколько лет вести тяжбу с другим претендентом – стольником Д.И. Плещеевым. Род Кузьмы Минина пресекался со смертью его сына Нефеда.

Овдовев и потеряв сына, Татьяна Семеновна Минина приняла монашеский постриг с именем Таисии. Вдове Нефеда Минина Анне удалось выйти замуж за помещика Андрея Ивановича Зиновьева.

На протяжении столетий боевые реликвии руководителей Второго ополчения, в том числе сабли Дмитрия Пожарского и Кузьмы Минина бережно сохранялись. Ныне они экспонируются в Государственной Оружейной палате Московского Кремля. Сабля Минина отличается простотой, отсутствием богатого декора. У рукояти – резное клеймо с арабской надписью «Изделие Ахмеда, мастера из Каира».

Прах национального героя России Кузьмы Минина не раз переносили: во второй половине XVII века при царе Алексее Михайловиче – в Спасо-Преображенский собор Нижегородского кремля, а после разборки собора, уже в XX веке – в Михайло-Архангельский собор Нижнего Новгорода, возведенный на территории Кремля в 1631 году. Надпись на белокаменной надгробной плите скромна и лаконична: «Кузьма Минин. Скончался в 1616 году».

Светешников Надей Середина XVII века

Надей Светешников происходил из посадских людей Ярославля. Предприятия Светешникова создавались методом «первоначального накопления». С 1613 года в стране правила династия Романовых. Заслуги перед новой властью принесли ярославскому предпринимателю пожалование «в гости». В сферу его интересов входила торговля пушниной, он проводил здесь крупные операции. Также он был владельцем деревень с крестьянами, в которых вкладывал свои средства в самый выгодный тогда промысел – солепромышленность. Его состояние оценивалось в 35,5 тысяч рублей в середине XVII века, что соответствует сумме около полумиллиона рублей золотыми деньгами начала XX века. Деятельность Светешникова можно считать одним из первых примеров перерастания крупного торгового капитала в промышленный. Важнейшее значение для создания капитала Светешникова и дальнейшего развития его солеварен имели земельные пожалования. В 1631 году правительством Михаила Федоровича ему были пожалованы громадные владения земли по обоим берегам Волги и по реке Усу до города Ставрополя. В этих краях Светешников устроил 10 солеварниц. К 1660 году в Надеином Усолье, как была названа местность, было 112 крестьянских дворов. Он нанимал работников, но наряду с наемными людьми он широко применял труд своих крепостных.

В этой местности Светешников построил крепость для защиты от кочевников, на своем кирпичном заводе делал кирпич для ее строительства.

Поскольку род Светешниковых происходил из посадских людей Ярославля, вместе с другими богатыми ярославскими купцами Надей не мог не принимать участие в материальном обеспечении ополчения Минина и Пожарского.

Основным источником богатства Светешникова являлась все же торговля. Получив в 1613 году от царя Михаила Федоровича жалованную грамоту «на гостиное имя», он развернулся в полную силу. Его торговая компания имела отделения в Мангазее, Якутске, Тобольске, Нижнем Новгороде, Архангельске, Ярославле, Перми, Москве и Пскове. Он был близок к царскому двору. Ему доверялось покупать заморские ткани для гардероба царя Михаила Федоровича. Кроме того, Светешников успешно занимался ростовщичеством.

Светешников владел значительными земельными наделами и сумел организовать в Костромском уезде соляные промыслы, а с 1631 года на Волге в селе Усолье. В 1632 году по указу царя Михаила Федоровича Усольские владения были навсегда переданы ярославскому гостю, промышленнику Надею Светешникову, который хозяйствовал здесь двадцать восемь лет. Имя его увековечено в названии местности – Надеино Усолье. Для надежной охраны своих волжских промыслов от частого нападения ногайских татар Светешников строил крепости-остроги.

В 1620–1622 годах ярославский купец Надей Светешников построил в своей усадьбе на берегу Волги большую пятиглавую церковь. Он посвятил ее Николаю Чудотворцу – покровителю торговцев и мореходов. Этот храм, как и местность, получил в честь своего основателя название – церковь Николы Надеина. Этот храм стал первым в числе более чем полутора сотен каменных храмов, возведенных богатыми ярославльцами в течение всего XVII века.

Закончилась жизнь Надеи Светешникова трагически. Один из самых богатых купцов своего времени неудачно провел одну-единственную, но крупную коммерческую операцию. В результате фатальной ошибки он превратился в банкрота. В 1645 году купец не имел средств расплатиться за взятую в долг пушнину на сумму в 6570 рублей. Его «поставили на правей» в Москве. Тогда Надей Светешников был уже пожилым человеком, он умер, не

выдержав пыток, а также публичного позора. Долги остались неоплаченными. Его привезли в Ярославль и похоронили в выстроенной им церкви Николы Надеина, в южном ее подклете.

Сын его Семен лишь ненадолго пережил своего отца. Он пытался встать у руля необозримой финансово-промышленной империи отца, но смерть унесла бездетного Семена. Династия Светешниковых пресеклась. Антонида, сестра покойного Надеи, за огромную сумму по тем временам – 6500 рублей – продала основное семейное достояние – Надеино Усолье. Новым хозяином его стала государственная казна.

Никитин Гаврила XVII век

Гаврила Романович Никитин был по происхождению из черносошных крестьян русского Поморья. Его судьба была судьбой, характерной для предпринимателей XVII века. Он начал свою торговлю, будучи приказчиком у гостя О.И. Филатьева. На этой должности он получил первый опыт и первые деньги. В 1679 году он уже стал членом гостинной сотни столичной Москвы. Известно, что в 1681 году Гаврила получил звание гостя. Когда умерли его братья, Никитин сумел сосредоточить в своих руках большую торговлю. Он вел торговые дела с Сибирью и даже Китаем. Есть записи, по которым его капитал в 1697 году составлял сумму в двадцать тысяч рублей. Такого не было даже при царском дворе. По примеру других богатых купцов, Никитин строит свою церковь.

Но в 1698 году Гаврила Никитин попал в Преображенский приказ. Преображенский приказ – министерство, созданное Петром I в 1696 году. В судебное ведомство этого приказа царь отдал исключительное право следствия и суда по политическим преступлениям. С начала 1697 года приказ осуществляет систематическое следственное и судебное преследование противников преобразований в стране. На Гаврилу Никитина был донос некоего Фадея Золотаря, о чем есть запись: «Был он, Фадейка, по знакомству в гостях в доме у гостя Гаврила Романова. И в то де время он, Гаврила, говорил: «По указу де государеву ныне указано им, гостям, строить карабли». И он де, Фадейко, его, Гаврила, спросил: «Где де те карабли строить и куды итти?» И он де, Гаврило, сказал: «Те де карабли строить на Воронеже. Черт де ево, государя несет под Царьгород. Жаль де силы, что пропадет. А он де, государь, хотя б и пропал – мало горя». [Речь идет о начале строительства в Воронеже флота, которому история сулила недолгую жизнь.] «Того ж числа Гаврило Никитин сыскан и по вышеписанному извету роспрашиван».

Следствие шло с 30 августа по 17 сентября. Известны материалы допроса гостя Гаврилы Никитина 17 сентября 1698 года. «А гость Гаврило Никитин сказал: Вчерашнего де числа приходили к нему внук ево Кириушка да человек Данилко, приносили к нему есть. И он де им говорил, что он исповедан и причащен и маслом освящен, лежит при смерти, чтоб они сходили с кем-нибудь к Александру Меншикову и поговорили, чтоб он за него побил челом государю, чтоб ево, Гаврила, для болезни ево ис Преображенского свободить и отпустить домой, чтоб ему, сидя за караулом, не умереть. И от того велел ему сулить денег тысячу или полторы или хотя и две тысячи рублей. И внук де ево, Гаврилов, с тем Данилком к нему, Александру, за него бить челом итить и тысячу рублей отвести хотел. А те де деньги дать было ему, Александру, от того, чтоб ему, Гаврилу, быть свободну из-за караулу, а не от иного чего. А буде чево денег не достанет, и в том приказывал им дать письмо. А больши де того иного ничего с ними не приказывал.

И сентября против 18-го числа в ночи гость Гаврило Никитин умре».

На примере данного следственного дела богатого московского гостя Г.Р. Никитина, которое проводилось в Преображенском приказе, можно видеть, что отношение крупного купечества к политике молодого царя Петра было не всегда положительное. Участь же недовольных новой политикой была ужасна.

Босов Кирилл XVII век

Впервой половине XVII века в среде знаменитых купеческих семейств славилось семейство Босовых, происходившее из Устюга Великого. В этом городе уже в конце XVI столетия в земском самоуправлении играл заметную роль Семен Босов, из посадских людей. Он, конечно, принадлежал к богатой верхушке местного «мира», как это называлось, «лучшим людям».

В начале XVII века среди торгового и предпринимательского общества прочно становятся на ноги сыновья Семена. Однако дальнейший расцвет этого семейного предпринимательского дела связан с внуками Семена – Кириллом, Василием и Андреем.

Бизнес братьев Босовых был необыкновенно широк. Они торговали с Архангельском и Ярославлем, также скупали товары на местных рынках Поморья. Вскоре у них появилась возможность покупать целые деревни, в которых силами крестьян выращивалось большое количество хлеба для продажи. Босовы занимались ростовщичеством.

Однако же основой их богатства являлась торговля в Сибири. Босовы рисковали отправлять в Сибирь обозы в 50–70 лошадей, груженных различными товарами, как иноземными, так и русскими. Босовы ехали на край света в Архангельск и скупали у иноземцев прямо у «корабельной пристани», нужный товар. Заморские купцы привозили и продавали тут сукно, металлы. Особенно нужна в России была медь и изделия из нее, олово, листовое железо. Хорошо шли иглы, галантерея, сахар и прочее. Кроме того,

Босовы огромными партиями приобретали предметы крестьянской и посадской мелкой промышленности Поморья. Потом они покупали в центральных областях сермяжное сукно, железные изделия, прочные холсты, выделанные кожи, разную одежду, простую обувь. Эти товары брались на рынках и ярмарках Ярославля, Вологды и других городов. Вот эти товары и везли в Сибирь.

Вывозили же они из Сибири пушнину. За Урал Босовы отправляли ватаги наемных «покручеников». Эти ватаги добывали соболя и другого ценного пушного зверя, а взамен от хозяев получали снаряжение или часть добычи, то есть «крутили». Босовы нашли ходы к охотникам-промысловикам для скупки драгоценных мехов прямо на местах промыслов или на торжках в сибирских пунктах. Это было надежным каналом поступления уникального товара. По записям, в 1649–1650 годах купцами Босовыми из Сибири было вывезено 169 сороков и 7 штук соболей (6 767 шкурок). Другие меха скупались в еще большем количестве.

Смелые операции семейства Босовых проводились также в Казани и Астрахани. Оттуда была возможность вывозить диковинные восточные товары: шелк, шелковые и хлопчатобумажные ткани, различные пряности, качественные краски.

Охватившие огромные территории торговые каналы Босовых осуществлялись небольшим количеством верных служащих – образованных приказчиков, лавочных «сидельцев» и другого персонала. На службе у Босовых было 25 приказчиков. Верность их объяснялась родственными связями с самими хозяевами и хорошей оплатой крепостным и наемным.

Сложность бизнеса Босовых была в его особенностях. Так, продолжительность торгового оборота с некоторыми районами Сибири составляла нередко до четырех лет. Нужны были средства, чтобы дожидаться прибыли от вложений только через четыре года. Требовалось умение сориентироваться в мире рыночной торговли, поспеть к конкретному сезону в том или ином пункте или на ярмарке. Рисковать нужно было всегда, но Босовы шли на это. Даже если не всегда, не каждый год им сопутствовала удача в торгах, то в иные годы они получали из далекой Сибири от 80 до 160 сороков соболей. Это давало доход при средней

реализации, достигавший 30 тысяч рублей. Чтобы вести успешный торг в подобном объеме, Босовы организовали свои фактории, а также склады в сибирских городах.

Богатства братьев Босовых возвели их на вершину купечества Руси в середине XVII века. Кирилл Босова указом произвели в гости. Совместно с братом Василием они были на государственной службе в качестве таможенных голов. Во время денежной реформы 1654 года – выпуск медной монеты – Кирилл Босов ведал московским Монетным двором. Царский указ обязывал его заняться этим опасным делом. В случае отказа грозили тюрьмой. Правительство отправило Кирилла Босова управлять одним из первых казенных медеплавильных заводов на Урале. Есть сведения, что Кирилл Босов принимал участие в переписи населения Москвы.

Семья Босовых была большой, выдавали замуж и женились они на равных себе, родственные связи их в торговом мире были обширны. Кроме торговли, Босовы богатели от того, что имели возможность приобретать земельные владения. На землю определяли верных «половников», полученный хлеб выгодно продавали, обычно в отвоз. Торговля Босовых была как крупной оптовой, так и розничной, так поступали все успешные купцы.

Трагедия произошла в 1654 году – от чумы умер в Москве глава торговой фирмы – Кирилл. Беда наступала. Вскоре не стало и его преемника Василия. Ход торговых дел замедлился, наследниками их были Босовы женщины. Заслугой их было несомненное усердие в продолжении семейного дела.

Босовы щедро одаривали церкви и монастыри. Вдова одного из Босовых, постригшаяся в монахини под именем старицы Ульяны, раздала значительную часть своего состояния – почти 7700 руб.

Никитников Григорий XVII век

Из посадских людей Ярославля вышел замечательный русский купец Григорий Леонтьевич Никитников. Он успешно вел крупную торговлю во всей европейской России, Сибири, Средней Азии и даже Персии. Но основу его баснословного богатства составила торговля великолепной сибирской пушниной. Также он строил ладьи и суда для перевозки разных товаров, хлеба и соли, прежде всего в своих торговых интересах. В 1614 году ему дано звание гостя. С 1632 года Никитников начал вкладывать значительные капиталы в выгодную солеваренную промышленность. В конце 1630-х годов в далеком Соликамском уезде купцу Никитникову принадлежало 30 варниц, на которых, кроме зависимых крестьян, работало свыше 600 наемных работников. В 30-е годы XVII века Никитников благодаря своим речным судам держит в своих руках почти весь торговый оборот по огромному волжскому пути. Он построил собственные дворы, амбары и склады в располагавшихся по течению рек Волги и Оки разных городах: в Вологде, Астрахани, Ярославле, Казани, Нижнем Новгороде, Коломне, а также в Москве.

До некоторого времени центром никитниковской торговой деятельности была его родина – город Ярославль. Там стоял обширный двор, принадлежавший еще его предкам. По дошедшим описаниям, усадьба купца Никитникова с течением времени превратилась в настоящий торговый центр всего Ярославля. Тут образовался узловой торговый пункт, в котором встретились русские волжские и редкие восточные товары, приходявшие из Астрахани, с товарами с запада, привозившимися из далекого Архангельска и холодной Вологды. В честь успеха в делах Никитниковым в Ярославле была построена в 1613 году деревянная церковь Рождества Богородицы. Недалеко от никитниковской усадьбы стоял знаменитый Спасский монастырь, рядом с которым находился местный рынок. Ближе к небольшой речке Которосли размещались огромные соляные и рыбные амбары Никитниковых. В 1622 году Никитников по приказу царя Михаила Федоровича переехал в Москву. Тогда же туда переместился и его обширный торговый центр. В центре Москвы, в Китай-городе, Никитников построил для себя богатые палаты и красивейшую церковь Троицы в Никитниках, которая сохранилась до сих пор. На торговой Красной площади Никитников обзавелся собственными лавками для торговли различными товарами в Суконном, Сурожском, Шапочном и Серебряном рядах. Никитников построил большие склады и стал вести оптовую торговлю. Его дом являлся местом встреч самых богатых купцов и заключения ими сделок. В синодик никитниковской церкви Троицы вписаны имена многих крупных московских купцов XVII века, так как они находились в личных и даже родственных взаимоотношениях с хозяином.

Купец Григорий Никитников памятен не только предпринимательской, но и яростной патриотической деятельностью. В начале XVII века, в Смутное время, он был еще молодым земским старостой. Подпись его обнаружена в списках участников патриотических Первого и Второго земских ополчений, организованных в Ярославле для борьбы с польскими и шведскими интервентами. Никитников постоянно и активно участвовал в несении выборных служб государственного значения. Его выбирали представителем на некоторых земских соборах, он деятельно участвовал в составлении челобитных на имя царя от гостей и купцов. Прежде всего, в этих челобитных просители искали защиты интересов русской национальной торговли при ограничении привилегий иностранным купцам. Он неизменно был смел и уверен в себе, однако довольно бережлив и скрупулезно аккуратен в платежах. При том что он не любил должать, он и в долг не любил давать. Но в то сложное время в долг приходилось давать довольно часто. Однажды даже самому царю Никитников дал в долг, а

тот жаловал купца в награду серебряной посудой и дорогой тканью. Исследователь жизни Григория Никитникова свидетельствует о нем как «о человеке деловом и практичном, глубокого проницательного ума, твердой памяти и воли, с крутым решительным характером и большим жизненным опытом. Через все его наставления неизменно проходит требование сохранения семейного и хозяйственного порядка таким, каким он был при нем. Такой же деловой тон звучит в наказах о поддержании благолепия в выстроенных им церквях и в распоряжении об аккуратных взносах пошлин в казну за соляные варницы».

Никитников завещал не дробить свой капитал, а передал в совместное и нераздельное владение двум своим лучшим внукам: «...и внуку моему Борису, и внуку моему Григорию жить в совете и промыслять вместе, а буде который из них станет жить неистова и деньги и иные пожитки станет сородичам своим раздавать и сторонним людям, один без совету брата своего, и он благословения моего и приказу лишен, до дому моево и до пожитков ему дела нет». Замечательный купец Никитников также завещает: «...и церковь Божию украсить всякими лепотами, и ладан, и свечи, и вино церковное, и ругу священнику и иным церковникам давать вместе, чтоб церковь Божия без пения не была и не за чем не стала, как было при мне, Георгии». Кроме своей московской церкви, он просил заботиться и о построенных им храмах в Соли Камской и Ярославле. Никитников умер в 1651 году.

Четыре следующих поколения семьи Никитниковых были удачливыми крупными купцами, владельцами различных торгов и многих промыслов. Хозяйство Никитниковых существовало довольно долгий срок: с начала XVII века вплоть до 1670-х годов. Тогда не случилось прямых наследников, и в казну переданы были все «животы и промыслы» семьи Никитниковых.

Гурьев Михаил XVII век

Гурьевы стали крупной купеческой фамилией России XVII века. Они вышли из посадских людей Ярославля, а туда они переселились после трагедии – Новгородского погрома. Родоначальник династии Гурий Назарьев в 1613 году вместе с братом Дружиной получил звание «гостя».

На далеком Урале, на диком устье реки Яик, предприимчивый Гурий Назарьев решил наладить выгодный промысел ценной красной рыбы. Для этого нужно было преградить ей путь вверх по реке на нерест. Купцу оказало поддержку царское правительство, а Ногайскому ханству, владевшему этой рекой, он уплатил дань. Затем с помощью подкупленных астраханских воевод возвел у речки Яик деревянный острог, так называлось укрепление. Острог получил название тогда Усть Яицкого городка [впоследствии это стал город Гурьев, а ныне Атырау].

Спустя всего несколько лет это хозяйство окрепло, и Гурий Назарьев даже отказался от уплаты дани Ногайскому ханству. На Усть Яицкий деревянный острог также часто нападали живущие на берегу недалекого моря казаки, поскольку они видели в нем явную угрозу своему рыболовному промыслу. Особенно не нравился новый рыбный промысел Назарьева воинственным астраханцам. Они пытались даже поймать, чтобы убить, сыновей Гурия Назарьева.

Деревянный острог не был все же надежной защитой от частых калмыцких и казачьих погромов. Поэтому сын Гурия Назарьева Михаил Гурьев, представитель уже второго поколения этой предпринимательской династии, обратился к царю с предложением. В 1645 году Михаил получил царскую грамоту на право постройки каменной сильной крепости. Правительство выдало братьям Гурьевым указ, по которому разрешило им строить в этой местности каменный город. Гурьевы были освобождены на 7 лет от налога на рыбные промыслы (18 тысяч рублей). Казна обязалась также поставлять людскую силу – по 600 строителей ежегодно. Постройка города началась в 1647 году и должна была стоить около 290 тысяч рублей. Но ни средств, ни людских резервов не хватало. И еще участились опустошительные набеги жадных казачьих отрядов и воинственных кочевых племен, поэтому строительство надолго затянулось. Выстроен был небольшой каменный городок лишь через пятнадцать лет, к 1662 году, и полностью на деньги Гурьевых, которым он встал в кругленькую сумму.

На постройке этого каменного города предприниматели Гурьевы совсем разорились. Они не могли уже строить и оборонять города на окраинах государства. Спустя 30 лет и промыслы красной рыбы были переданы в ведение царского приказа Большого двора. Обедневшие купцы не могли содержать их.

Тем не менее в результате их деятельности город стал крупной российской пограничной крепостью. Имя славных ярославских купцов он носил не одно столетие. Лишь в 1992 году, когда он вошел в состав независимой Казахстанской республики, ему было дано местное название – Атирау. Все же одна из лучших улиц старинного Атирау до сих пор остается Гурьевской.

Прочно строили Гурьевы и в столичной Москве, где до наших дней сохранились богатые палаты мужественных купцов Гурьевых. Эти старинные палаты выстроены на небольшом участке в Большом Успенском переулке недалеко от Покровской улицы. Сыновья Гурия Назарьева именитые купцы Гурьевы – Михаил и Иван – могли себе позволить довольно богатые хоромы. Известно, что в 1671 году они поселились в Москве в этих самых своих

каменных палатах. Позднее этот двор в Успенском переулке стал собственностью одного из внуков Михаила Гурьева – Алексея Афанасьевича.

Морозов Борис Иванович XVII век

Борис Морозов был одним из крупнейших русских феодалов XVII века. Наряду с этим его имя можно поставить в ряд первых русских предпринимателей. В середине XVII века именитый боярин Морозов сумел организовать самое крупное производство уникального поташа на Руси. Расторопная семья Морозовых, широко используя подневольный труд своих крепостных крестьян, создала поташное дело. Это было ни много, ни мало началом химической промышленности в стране.

Поташ – это углекислый калий, белое кристаллическое вещество, хорошо растворяется в воде. Тогда его широко использовали, в частности, в мыловарении, а также в первом производстве стекла, для наилучшей выделки кож, в сложном ткацком производстве. Еще он нужен был для производства пороха, поэтому он считался и стратегическим сырьем. Поташ производить было очень трудоемко и дорого.

Борис Иванович Морозов принадлежал к древнему московскому боярству. Он имел службу при царском дворе – долгое время был воспитателем (дядькой) малолетнего царя Алексея Михайловича. В 16 лет юноша Алексей Михайлович вступил на царский престол. Это было в 1645 году. Таким образом Морозов оказался одной из влиятельнейших фигур при молодом царе. Поэтому, рассуждая о предпринимательской деятельности Морозова, надо учитывать его тесную связь с царской властью. Поташ был основной статьей экспорта России, на его торговлю была государственная монополия, то есть весь производимый поташ продавался правительству, а через него на экспорт. Поташ почти весь вывозился тогда за границу. Владелец «будных майданов» имел огромные доходы. Так, в 1651 году предприниматель Борис Морозов отправил около 5,5 тысячи пудов поташа сначала в Архангельск. Оттуда этот дефицитный товар был отправлен от имени казны на заграничный рынок. Царь Алексей Михайлович освободил морозовский товар от уплаты пошлины за провоз до Архангельска. И здесь удачливый боярин Морозов имел довольно хорошую прибыль – до трех тысяч рублей в год, а с них он тоже не уплачивал в казну никаких пошлин.

В 1660-е годы 75 % всего поташа вырабатывали предприятия 10 крупнейших бояр и дворян. Только этим богатым, владельцам лесов и зависимых работников из крестьян, было под силу заниматься сложным производством поташа. Бояре Морозовы поставляли 56 % всего поташа. Это семейство владело в разных выгодных частях государства 274 села и деревни, где проживало до 40 тысяч бесправных крепостных крестьян.

В Нижегородском крае Морозов купил у государя известную пустошь под названием Починок. Он лично объехал только что купленные им бескрайние починковские земли. Они ему понравились тем, что представились перспективными. На купленные у казны малонаселенные земли Морозов стал вывозить крестьян, снимая их с родных подмосковных обширных владений. Починок он полностью заселил вывезенными из ближнего Подмосковья крепостными.

Население этих краев исконно было неоднородным: здесь жили русские, мордва, татары. Однако местные мордва и татары постепенно, но неуклонно обрусевали. В вотчинных хозяйствах Морозова, расположенных на нижегородских починковских землях, а также в Мордовии, хозяин завел большое количество поташных заведений, так называемых «будных майданов», так как здесь была возможность производить выжигание поташа.

Старинные справочники так описывают производство поташа. Вначале заранее приготовленные дрова складывали в кучи (буды) и пережигали в золу, из которой изготавливали щелок. Для этого золу насыпали в деревянные корыта («колоды») и заливали водой, кото-

рая растворяла содержащиеся в золе углекислый, хлористый и сернокислый калий. Щелок фильтровался через солому, лежащую на дне корыта, а затем сливался в маленькие корыта («прикорытки») и из них по желобу поступал в большое «скопное корыто» или «сборник». Для заключительной операции по выработке поташа применялся «гарт». Он представлял собой ящик (размером 10х4 м), дно которого было выложено кирпичом, невысокие боковые стенки клали тоже из кирпича. На «гарт» укладывали сухие, преимущественно дубовые дрова, зажигали их и осторожно поливали поташным щелоком. Щелок брали из специально устроенного «гартowego корыта» или из желобов, сделанных в продольной части «гарта» и соединяющих его со «сборником». После того как щелок упаривался, на дне «гарта» образовывался плотный осадок поташа, который выламывали и набивали в бочки. Весь процесс производства поташа длился 12–13 дней.

Трудоемкий процесс производства поташа занимал большое число людей, специализировавшихся на отдельных операциях. «Поливачи» поливали щелоком горящие дрова. Эта операция требовала большой сноровки, и в основном от умения «поливачей» зависело качество поташа. «Будники» готовили золу, «воштари» возили золу и дрова к будным станам, «орытники» приготавливали щелок, кузнецы, колесники изготавливали колеса для телег и тачек. На одном майдане обычно было занято по 20–30 человек. Рабочий сезон начинался в апреле и продолжался до ноября. Поташное производство, требовавшее большого количества рабочих рук, было под силу только крупным вотчинникам, которые располагали значительными материальными ресурсами (лес, деньги) и могли использовать труд подневольных крепостных крестьян.

В целях неуклонного роста производства боярин Морозов стремился привлекать к поташному делу даже крестьянских детей. Однако взрослые крестьяне как могли использовали всевозможные средства, чтобы уклониться от такой «каторжной» работы. В морозовских вотчинах нередко были побеги крестьян в вольные края. У Морозова постоянно работало не менее 29 майданов. За сезон на одном таком майдане вырабатывалось до ста бочек поташа – это 3000 пудов. Морозовский поташ при этом считался лучшим в России.

Когда могучий боярин Морозов умер, все его владения и имения перешли к его жене Анне Ильиничне Морозовой. Она была родной сестрой царицы, первой жены царя Алексея Михайловича. В 1662–1663 годах от вдовы Морозова продано в казну 94939 пудов поташа. Это составило почти половину всех русских поступлений, которых было 213 077 пудов. Судьба поташных промыслов Морозовых такова: в 1689 году по одному из первых именных указов молодых царей Ивана V и Петра I все морозовские починковские земли поступили в казну «с причислением к ведомству поташного правления, с учреждением в Починках поташной конторы». Бывшие крепостные Морозовых стали «государственными крестьянами». Они обязаны стали выплачивать специальные подати и определенный налог. Если же их отписывали к какому-либо другому казенному предприятию, они должны были выполнять при нем определенные барщинные работы.

Морозов не только производил поташ.

Оборотливый боярин использовал частные крестьянские текстильные промыслы. Он сумел организовать одно из первых территориальных разделений труда. Пряжу изготавливали в подмосковных селах, потом сдавали ее в виде оброка боярину, а потом она отправлялась в села Нижегородского края, где из нее изготавливали полотно.

В некоторых имениях Морозова было хорошо организовано и процветало железоделательное производство. В Звенигородском уезде боярин построил небольшой завод, на котором работало около двух десятков военнопленных из поляков. Завод был передовым – «водянодействующим», то есть все его механизмы приводились в движение от крутящегося водяного колеса. Очевидно, там была домна, потому что только для нее требовались механическое дутье, а также механические молоты. Это было хозяйство мануфактурного типа.

Регулярно действовали во многих имениях Морозова винокуренные заводы. Гораздо выгоднее было на месте перерабатывать зерно с морозовских же вотчин, чем далеко возить его на продажу.

Морозов завел кожевенные, кирпичные предприятия, конечно, у него были мельницы для помола зерна, обширные рыбные промыслы.

Промышленное производство Морозов успешно сочетал с оптовой торговлей. Зерно, производимое в собственных имениях, он, конечно, не только перерабатывал, но и продавал, даже на экспорт, также занимался скупкой, перепродажей хлеба и других продуктов. Морозов вел крупную экспортную торговлю кожами.

Морозов к тому же был и одним из крупнейших русских ростовщиков. После его смерти нашлись записи об оставшихся «в кабалах», то есть розданных в долг под проценты, 80 тысяч рублей.

Морозов-феодал был одним из первых русских предпринимателей.

Строгановы XV век – XIX век

Род Строгановых издревле ведет свое начало от новгородцев. В Сольвычегодском и Устюжском районах новгородских земель Строгановы издавна отвечали за сбор оброка. Основателем рода Строгановых, согласно всем известным источникам, является новгородец Спиридон, живший в период правления Дмитрия Донского. В 1445 или в 1446 году Строгановы отметились тем, что один из представителей рода Лука Кузьмич выкупил из татарского плена русского князя Василия II Темного «по великому к нему усердию, знатною суммою денег, не жалея своих пожитков». Сумма выкупа была весьма существенной: 20 тысяч рублей, что по тем временам было равно целому состоянию. Государство такими средствами не располагало.

В XV веке род Строгановых выступал единым кланом, но затем распался на три больших ветви: тотемскую, циренниковскую и сольвычегодскую. Именно последняя известна во всей России, с именами ее представителей связаны многие яркие страницы русской истории, на которых они оставили свой след. Активные и напористые Строгановы, типичные представители этапа первоначального накопления капитала, были активными участниками и политической жизни русского феодального государства, выступали в качестве помощников русских правителей в деле управления северными и восточными территориями.

Федор Строганов в конце XV века осел в Сольвычегодске, куда перебрался из Новгорода. Скончался он в монастыре, куда ушел вскоре после своего переезда и где взял себе новое имя Феодосий. Его сын Аника Строганов (родился в 1497 году) заложил основу для создания одного из крупнейших российских частных предприятий. В 18 лет он начал свою предпринимательскую деятельность, построив в Сольвычегодске соляные варницы.

В те времена соль ценилась очень высоко. Аника Строганов, с юных лет проявлявший качества истинного дельца, стал состоятельным соляным магнатом.

Соль добывалась из-под земли по следующей технологии: бурились скважины, в которые закачивали воду, а обратно выкачивали соляной раствор, который выпаривали в специальных чанах. Соль имела самый устойчивый и надежный сбыт. При этом ее добыча требовала хоть и существенных, но не чрезмерных затрат. Большей частью вложения шли в привлечение рабочей силы и незамысловатое оборудование.

Аника многократно приумножил небольшой соляной промысел своего отца. Сначала он вел дела в Сольвычегодске, стремился занять монопольное положение в своем округе, любыми средствами и интригами приобретая варницы и колодцы других солеваров.

Расчетливый делец прикрывался благочестием, он строил соляные варницы, а рядом – церкви и другие общественные сооружения. Предпринимательская жилка, умение извлечь выгоду из любого промаха конкурентов и слабостей зависимых от него людей сочетались в Строганове с умом и дальновидностью, расчетливостью политика, умеющего расположить к себе и церковь и царскую власть. Деятельный, приумножающий свой капитал, изворотливый купец и смелый предприниматель, знающий, когда можно идти на риск – вот его отличительные черты. Он служил государству в качестве коммерсанта, которому было поручено наблюдать за тем, какую торговлю ведут англичане через Белое море и Северную Двину. Он приобретал у иностранцев нужные царю и его двору товары, не забывая и о своем интересе и получая большие доходы от совершения таких сделок. Этот торг с иноземцами приносил большие доходы семье Строгановых.

Именно знание иностранного спроса и привело Строгановых на Урал – стремление расширить торговлю ценным товаром, который активно скупался иноземцами, толкало на

восточные рубежи страны. Строганов с братьями и сыновьями проникают все дальше к бассейну Камы и выходят к отрогам Урала.

Аника, приступив к делам в 18 лет, рано привлек к предпринимательской деятельности и своих трех сыновей, давая им простор для самостоятельной работы, однако, вовремя наставляя и поучая, – передавая им смысл и подходы к ведению промысловых дел и осуществлению торговых операций. Как и отец, в конце жизни он уходит в монастырь, приняв монашеское имя Иоасаф.

В 1558 году Иоанном IV, первым русским царем и великим князем, было пожаловано среднему сыну Аники Строганова, Григорию, «для всего рода» 3,5 миллиона десятин земли на северо-западе Урала. К концу XVI века территория, принадлежащая Строгановым, составляла уже более 10 миллионов десятин земли. Строгановы привлекали работников со всей России, суля им привилегии и льготы. Вдоль рек Камы и Чусовой Строгановы возводили города и крепости, формировали и вооружали гарнизоны, создавали собственные оборонные отряды для защиты своих соляных промыслов и поддержания внутреннего порядка. Строгановы развивали земледелие на своих территориях, солеваренные, охотничьи, рыбные и рудные промыслы. Их военные дружины подавляли восстания туземцев и активно присоединяли к России новые земли Предуралья, Урала и Сибири. Поход Ермака в Сибирь был инициативой Строгановых и был проспонсирован на их средства.

В 1574 году сыновья Аники Строганова Григорий и Яков были вызваны в Москву к самому Ивану Грозному. От царя братья получили грамоту, согласно которой их владения расширялись и на восточную сторону Урала. Вместе с тем на них возлагались вопросы расширения восточных границ Российского государства и их обороны.

«Его царское величество, государь, царь и великий князь Иоанн Васильевич пожаловал им, Строгановым, все те места за Югорским Камнем, в Сибирской Украине, между Сибирью, Нагай и Тахчей и Тобол реку с реками и озерами с устья до вершин, где собираются ратные люди салтана Сибирского; на тех землях позволено им принимать всяких чинов людей, города и крепости строить, и на оных держать пушкарей и пищальников, а ясашных вогуличей от нападков и разъездов татарских защищать, да и в самом царстве Сибирском покорением онаго под Российскую Державу иметь старание; также по реке Иртышу и по Оби Великой людей населять, пашни пахать и угожьями владеть», – говорится в грамоте.

Следующее поколение Строгановых братья Максим Яковлевич и Никита Григорьевич решали, главным образом, вопросы охраны огромных семейных владений. Узнав, что на Волге «гуляет» шайка казаков, они пошли на рискованный шаг и пригласили ее к себе на службу. Казаки, прельстившись перспективой обогатиться за счет восточных походов, быстро откликнулись на приглашение. В 1581 году известный Ермак Тимофеевич, снабженный Строгановыми всем необходимым, начал свой поход в Сибирь. В царской грамоте говорится, что Максим Яковлевич и Никита Григорьевич «на помощь ему, Ермаку, в товарищи ратных многих людей наймовали и всему войску помощь чинили, и деньги, и платье, и боевое ружье, и порох, и свинец, и всякий запас к воинскому делу из своих пожитков давали и дворовых людей с ними посылали». За это семья Строгановых была вознаграждена правом беспопшлинной торговли на территории всех вновь завоеванных земель.

В XVII веке Строгановы активно развивают на Урале в районе Соли Камской свой основной бизнес – солеваренную промышленность.

Право беспопшлинной торговли, сделавшее их фактически монополистами-солепромышленниками, давало им возможность беспрепятственно и в большом количестве поставлять соль в Казань, Нижний Новгород, другие города Поволжья и центральной России. Параллельно с этим они ведут активную сопутствующую торговлю пушниной, рыбой, иными товарами с Востока. Их благосостояние увеличивается, а вместе с тем растут и их привилегии.

Дела Строгановых шли так хорошо, что во времена междоусобицы, в Смутное время, купцы имели возможность помогать денежными взносами законной власти. Общая сумма пожертвований тех лет составила 841 762 рубля. Василий Шуйский пожаловал Строгановым особый титул – «именитых людей», с правом называться с «-вичем», что являлось привилегией самых знатных княжеских и боярских родов.

Однако мир понемногу меняется, и у Строгановых возникают сложности: нехватка рабочих рук для добычи и вывоза соли в центральную Россию создает значительные трудности. Основное дело Строгановых начинает теснить соль, добытая из озер в Нижнем Поволжье, добыча которой обходилась значительно дешевле, чем солеварение в старых строгановских вотчинах.

В XVIII веке Строгановы начинают заниматься металлургией. Но в петровское время на Урал приходят новые деятели. Хотя строгановские владения и были богаты железной и медной рудой, семья приобщалась к металлургии без особого энтузиазма.

Несмотря на то что Берг-коллегия, ведавшая выдачей разрешений на строительство заводов, еще в 1721 году одобрила заявку Строгановых, семья приступила к возведению своего первого медеплавильного завода на реке Таманке лишь в 1724 году. А функционировать он начал и то в 1726 году, при этом так и не выйдя на полную проектную мощность.

Вместе с тем, наряду с Таманским заводом Строгановы построили Билимбаевский. Его строительство было сопряжено с тяжелой тягой с Акинфием Демидовым, которому в итоге так и не удалось тогда лишить своих именитых соперников права развивать ту территорию.

При строительстве третьего, Юго-Камского, завода Строгановым пришлось преодолевать сопротивление уже самого государства, которое хотело построить там медеплавильные печи и имело безоговорочный приоритет по отношению к купцам. При поддержке Соляной конторы Строгановым с большим трудом удалось добиться своего, и они в нарушение целого ряда законов в 1746 году все же построили завод. Прокурор Берг-коллегии пытался опротестовать действия Строгановых, но их влияние при царском дворе было настолько сильно, что от этого пострадал лишь сам прокурор.

Долгое время дело и все владения Строгановых находились в собственности всей семьи, то есть потомков Аники Федоровича. В середине XVII века богатство было разделено между разными ветвями династии. Но в конце того же XVII века все дело вновь перешло в руки единственного наследника, которым стал Григорий Дмитриевич Строганов. Кроме 10 миллионов десятин земли, в его распоряжении оказались 20 городов и острогов, более 200 деревень, 15 тысяч душ только мужского пола без учета женщин и детей. Опираясь на поддержку центральной и местной власти, он выдержал конкурентную борьбу с другими солепромышленниками, активно сотрудничая с казной и в правление Петра I. В ходе Северной войны 1700–1721 годов Строганов оказал существенную финансовую поддержку Петру I. В 1722 году сын Григория Дмитриевича Александр даже сопровождал царя в персидском походе.

Когда в XVIII веке начался процесс получения купцами дворянских званий, Строгановы одними из первых совершили переход в привилегированное сословие. В 1722 году Александр, Николай и Сергей Григорьевичи Строгановы «за заслуги предков» были возведены в баронское достоинство. Потомки Строгановых, используя свое богатство, получали титулы, делали карьеру на государственной службе, обзаводились именьями и крепостными душами – иными словами, вели типичную жизнь российской аристократии. При этом Строгановы широко прославились благодаря благотворительной деятельности, строительству церквей и школ. В конце XVII века даже можно говорить о появлении «строгановского стиля» в архитектуре. Именно в этом стиле построена церковь Рождества

Богородицы в Нижнем Новгороде, возведенная на средства Григория Строганова.

Александр Сергеевич Строганов, первый граф в этом роду, открыл в Санкт-Петербурге Публичную библиотеку, курировал строительство Казанского собора: архитектор Воронихин, строивший Казанский собор, в свое время был крепостным Строганова. Также он покровительствовал талантам в литературе. Его поддержкой пользовались Державин, Бортнянский, Богданович, Крылов.

Сергей Григорьевич Строганов был одним из попечителей Московского университета. Этот период в истории высшего учебного заведения назван «строгановским временем». Управляя университетом, Строганов умел выявлять талантливых преподавателей. Грановский, Кавелин, Соловьев, Буслаев, Бодянский начинали свою академическую деятельность в это время, а впоследствии стали гордостью российской науки. Сергей Строганов активно выступал за модернизацию гимназий и начальных школ. Он же основал в 1825 году в Москве знаменитое Строгановское училище иконописи – первую художественную школу в России.

У рода Строгановых имелись богатейшие библиотеки, коллекции картин, монет, медалей.

Все оборвалось в 1917 году.

Сергей Александрович Строганов – последний представитель рода. От своего деда он унаследовал в 1882 году нераздельное имение Строгановых. Он закончил Санкт-Петербургский университет и Морской корпус. В 1904 году в период русско-японской войны на собственные средства Сергей Строганов приобрел у немцев пароход, который был переоборудован в первый российский аэростатоносец – воздухоплавательный крейсер «Русь». В 1915 году в период Первой мировой войны он организовал на Добрянском заводе производство шрапнели, которую поставлял государству по себестоимости.

Последний из Строгановых умер в Ницце в 1923 году, продав права на владение всем строгановским имением.

Виниус Андрей Андреевич 1641–1717

В царствование Михаила Федоровича в Русском царстве Андрей Денисович Виниус (1605—ок. 1652) – нидерландский купец и промышленник, фриз по национальности – обосновался в Москве. Проживал он в известной Немецкой слободе, традиционном месте поселения иностранцев в Москве.

С 1627 года Виниус вел крупную хлебную торговлю в северном Архангельске. В начале 1630-х годов под Тулой нашли «добрую руду». Андрей Денисович не побоялся переменить профиль своих предпринимательских дел и попробовал основать невиданные на Руси чугуноплавильные, железоделательные и оружейные заводы близ Тулы. В 1632 году он получил от царя Михаила Федоровича солидную денежную ссуду и вскоре построил эти заводы, при этом обязавшись «учить государевых людей всякому железнному делу», а также регулярно поставлять пушки и железо в русскую казну по твердо назначенной цене. Эти заводы в Русском царстве были первыми. Благодаря Виниусу, у русского государства появился доступ к более дешевому железу и почти отпала необходимость покупать его по очень высокой цене у шведов. Излишек купец Виниус получил право продавать за границу.

Позднее Виниус построил также железоделательный завод на реке Ваге в Шенкурском уезде в Архангелогородской губернии.

В 1646 году Виниус перешел в подданство русского государства, принял православную веру и получил московское дворянство.

Андрей Денисович был женат дважды. От первой жены, фризки по национальности, у него был сын Андрей. Андрей Андреевич с самого раннего детства учился говорить на двух языках как на родных – русском и голландском. Еще молодой человек изучил латинский язык, которому он позднее обучал молодого царя Петра I. Благодаря добротному домашнему образованию он также знал другие иностранные языки: немецкий, древнегреческий, английский. Юноша изучал географию и богословие, черчение, математику и химию. Он был одним из самых образованных людей своего времени. Сначала он воспитывался в семье в духе традиционного для родной страны родителей Нидерландов кальвинизма. Однако поскольку семья решила навсегда остаться в России, в 1655 году в Москве сам патриарх Никон крестил молодого Виниуса, как и его отца, в православие.

На государственную службу Андрея Андреевича взяли в 1664 году. Он получил должность переводчика в значительном Посольском приказе. В 1672 году он был отправлен уже послом за границу. После возвращения в Москву молодого Виниуса пожаловали в московские дворяне. В это время его поставили во главе русского почтового ведомства, им он управлял в течение 25 лет. В конце 1675 года Виниус возглавил работу созданных еще в 1665 году так называемых «заморских почт» (международных почтовых линий) Московского государства. Ему удалось заключить ряд договоров с иностранцами о доставке русской почты за границу. Эта «заморская почта» – «Рижская почта» – связывала Москву с Ригой. Ее деятельность при Виниусе была значительно улучшена. В 1667 году Почтовым приказом была основана еще и другая линия – «Виленская почта»: из Москвы через Смоленск до тогдашней литовской границы, а дальше в Вильну.

Только в 1693 году Андрей Виниус, будучи уже престарелым, добровольно сложил свои полномочия по управлению почтовыми делами. Их возглавил тогда его сын – М.А. Виниус.

Еще во времена царя Ивана Грозного стало понятно, что, как говорится, «могущество России будет прирастать Сибирью». Это на долгие годы определило политику русских пра-

вителей. Для освоения новых просторов в 1637 году был учрежден Сибирский приказ. Но Москве трудно давалось управление Сибирью. Чаще всего ее отдавали на откуп назначенным воеводам, а они, устроившись в немногих городах, заботились не о развитии богатейшего края, благополучии населения его и не о пополнении государственной казны, а только о величине собственной прибыли. В 1697 году Андрей Виниус был поставлен во главе очень трудного Сибирского приказа. Его должность была – статс-секретарь по делам царства Сибирского. Андрей Андреевич Виниус постепенно установил через своих тайных агентов постоянный строгий надзор за всеми воеводами. Им грозило за злоупотребления наказание кнутом, лишение имущества и даже жизни. Он добивался перемены воевод. Из одной из отдаленных сибирских областей после смены в ней воеводы государство стало получать в год 10 тысяч вместо 600 рублей.

В 1698 году, возглавляя Сибирский приказ и выполняя распоряжение Петра I, по старой памяти думный дьяк А.А. Виниус организовал вполне регулярную доставку писем в Сибирь.

Одно время Виниус также отвечал за строительство казенных заводов на осваиваемом Урале. Под Нарвой в 1700 году русское войско потеряло всю артиллерию. Железо покупали тогда в Швеции. Виниус писал уральскому заводчику Никите Демидову: «...ныне в случае настоящей со шведами войны оттоль железа не возят, и на Москве которое сыскалось... в цене зело поднялось и сыскать ево... кроме малого числа было трудно».

Вместо плененного начальника Пушкарского приказа в трудное время Виниус назначается еще и «надзирателем артиллерии». В январе 1701 года таможенная служба окончательно сообщила, что шведского железа «в явке не явилось» и торговать нечем. Царь Петр в отчаянии в письме к Виниусу пишет: «Ради Бога, поспешайте с артиллериею, как возможно: время яко смерть». Именно Виниусу Андрею Андреевичу поручено осуществить петровский приказ – «со всего государства, с знатных городов от церквей и монастырей собрать часть колоколов на пушки и мортиры». Через долгие полгода – в мае 1701 года – в Москву сумели доставить до 90 тысяч пудов колокольной меди, а к осени – отлито из нее 300 орудий. Андрей Андреевич стал истинным «творцом новой артиллерии», потому что следил не только за ее материальной частью – пушками, гаубицами и мортирами, но и за подготовкой артиллеристов. Он способствовал открытию в Москве на Новом Пушечном дворе артиллерийской школы, в которой на полном государственном пансионе молодые люди учились «словесной и письменной грамоте, цифири и инженерным наукам» – около трехсот учеников. Вновь созданная русская артиллерия уже в ноябре 1702 года в военных действиях под Нотебургом показала себя вполне зрелой и умелой.

Андрей Андреевич был приближенным Петра I, переписывался с императором по довольно широкому кругу проблем – от действий потешных войск и новой военной стратегии до царских увеселений с винными проказами.

Андрей Андреевич Виниус по царскому указу начал строить железоделательные заводы в Сибири и на Урале.

Однако неожиданно в 1703 году Виниус был отстранен от государственной службы. Ему поставили в вину медлительность при снабжении армии, а также хищения. Виниус попытался подкупить князя Меншикова. Тот с удовольствием принял взятку, даже написал оправдательную бумагу, и в то же время проблтался о случившемся Петру I. Далее произошли события, о которых рассказывает дипломат Плейер: «Виниус... помилован и не повешен, а бит кнутом и приговорен к уплате 7000 рублей (здесь есть такое обыкновение, что сперва человеку дают возможность много накопить, а затем предъявляют ему какое-нибудь обвинение – и отбирают под пыткой все накопленное)».

В 1706 году в ходе Северной войны во время Гродненской операции Виниус уехал за границу без разрешения Петра и прожил в Нидерландах два года. Впоследствии Виниус все же выпросил у Петра прощение и в 1708 году вернулся опять в Москву.

Андрей Андреевич Виниус умер в 1717 году.

Антуфьев Никита Демидович 1656–1725

Никита Демидович Антуфьев (более известный как Никита Демидов), тульский кузнец, стал родоначальником династии Демидовых.

За заслуги в развитии горного дела комиссар Никита Демидович грамотой от 21 сентября 1720 года был возведен в дворянское достоинство под фамилией «Демидов» вместе с сыновьями Акинфием, Григорием и Никитой и законным их потомством, и затем сыновья Никиты Демидовича получили диплом от 24 марта 1726 года в подтверждение пожалованного отцу их потомственного дворянства.

В правление царя Петра I Антуфьев получил огромные земли на Урале под строительство металлургических заводов и на этом сделал стремительную карьеру. Это были времена мучительного перехода отжившего строя к новой созидательной России. Именно в это время, порой кровавой ломки,годились личные качества тульского кузнеца – исключительная предприимчивость, жесткая, подчас жестокая целеустремленность, блестящие организаторские способности, практическая сметка.

Демид Григорьевич Антуфьев, отец Никиты, родом был из расположенного в 20 верстах от Тулы села Павшино. Село это еще в древности было известно производством железа. Демид Григорьевич происходил из государственных крестьян и имел возможность переехать в город. Он отправился в Тулу, чтобы заняться в городе кузнечным ремеслом. В 1664 году восьмилетний Никита потерял отца, и пришлось ему идти работать. Свою трудовую деятельность он начал работником у мастера-кузнеца. Проявил себя Никита прилежным учеником. Он стремился к познаниям, повышал свое мастерство. Уже тогда начали проявляться и организаторские способности. В одной из грамот 1691 года 35-летний «Никишко» Демидов известен среди троих выборных (со старостой во главе), посланных оружейниками в Москву для защиты их интересов в земельном споре.

Уже в молодом возрасте он выделялся из массы простых слободских ремесленников. Постепенно он становился Никитой Демидовичем Антуфьевым, превращаясь в тульского оружейного предпринимателя. Предполагалось, что еще до 1696 года у него была небольшая «домашняя» фабрика.

В 1696 году он основал под Тулой «своими деньгами и... без споможенья и дачи дворовых крестьян» завод для выплавки чугуна, «действующий с помощью воды». Отсюда можно сделать вывод, что Демидов был в это время уже достаточно богат.

В 1695 или в 1696 году Тулу посетил император Петр I. В этот приезд он познакомился с Демидовым и лично дал разрешение на строительство завода.

Император в 1701 году приказал отмежевать в собственность Демидова лежавшие около Тулы стрелецкие земли, а для добычи угля дать ему участок в близлежащей засеке. Также он выдал Демидову специальную грамоту, позволявшую расширить производство за счет покупки новой земли и крепостных для работы на заводах.

Когда началась Северная война, которую вел Петр I против шведов, Демидову удалось, опередив других заводчиков, перехватить государственный заказ на 500 пушек. Он брался делать пушки по полтине за пуд «против немецкого литья и против образца и чертежа, каков ему дан будет из приказа адмиралтейских дел». Петр, которому сообщили об этом в Воронеж, сформулировал требования к качеству пушек и потребовал, чтобы Демидов сделал образцы. Казенный тульский завод, владеть которым Демидову первоначально разрешено было в течение 20 лет, был отдан ему «впредь впрок бессрочно» с правом передачи по наследству.

Демидов остался верен и традиционному оружейному производству. До 1696 года тульские кузнецы должны были сдавать в казну всего две тысячи пищалей в год.

Демидов к этому времени составил себе имя, его уже хорошо знали в Москве. В 1697–1701 годах Демидов неоднократно привлекался Сибирским приказом в качестве эксперта по различным вопросам металлургического и оружейного производства.

Петр I заказал кузнецу Демидову алебарды, которых тот по иностранному образцу сковал якобы три сотни и привез через месяц в Воронеж.

Кузнец, отличившийся в изготовлении заказанных императором алебард, в дальнейшем не раз демонстрировал Петру свое мастерство, чем и заслужил его расположение.

В 1702 году силами учеников-оружейников Демидова делалось, по его словам, до пяти тысяч ружей в год.

России, вставшей на путь промышленного развития, нужно было иметь сильную армию и флот, которые, в свою очередь, могли появиться только при условии развития металлургического и горного производства. Для строительства заводов требовались крупные капиталы. У государства, как всегда, было много проблем и мало денег. Казенные заводы работали плохо. Работники не отличались старанием, и потому заводы работали из рук вон плохо: были дорогущими, давали мало металла и прибыли.

Где-то в 1696 году Демидову передали на экспертизу образцы уральской руды. В то время Сибирский приказ интересовался его отношением к переселению на Урал и освоению нового промышленного района. Тогда Демидов отказался, но через пять лет сам обратился в приказ с просьбой о передаче ему заводов. В марте 1702 года ему были отданы казенные Верхотурские железные заводы, построенные на реке Нейве на Урале еще при Алексее Михайловиче.

Демидов должен был платить казне за устройство заводов железом в течение пяти лет и имел право покупать для заводов крепостных людей. За это Демидов в знак благодарности преподнес императору коллекцию золотых изделий, извлеченных им из сибирских курганов. По приказу Петра I она стала основой организованной царем в Санкт-Петербурге Кунсткамеры.

Невьянский завод был принят его приказчиком от верхотурского воеводы в мае. Уже через шесть дней после указа Демидов просит о подорожной для работников, направляемых им в Сибирь. С этого времени в течение нескольких лет не иссякает поток отъезжающих из Тулы на Урал мастеров с семьями – и через 15 лет после передачи завода более 10 % работающих на нем составляли выходцы из Тулы. Руководил работами там старший сын Никиты Акинфий. Никите в Туле подвернулось выгодное дело, и попасть на Невьянский завод удалось только осенью 1702 года. Оружейная слобода в Туле выполняла большой заказ, по военному времени особенно ответственный. Работа, однако, шла медленно, ружья были плохими. Тогда Сибирский приказ, отстранив старосту Оружейной слободы, передал заказ Демидову. Демидов оставался в Туле до начала августа 1702 года, чтобы организовать изготовление оружия.

Дважды в течение года (в октябре – декабре 1702 года и в октябре – начале ноября 1703 года) приезжал Демидов на Невьянский завод. Первая продукция завода – две пушки и железо – была отправлена в Москву в январе 1703 года. Ядра и железо из первой партии (12 тысяч пудов) Пушечный двор Москвы принял в сентябре, остальное прибыло позже, весной 1704 года. Продукция уральских заводов – Невьянского и Каменского – сыграла важную роль в Северной войне.

С 1702 по 1706 год на демидовских заводах было изготовлено 114 артиллерийских орудий, с 1702 по 1718 год – 908,7 тысяч штук артиллерийских снарядов. При этом Демидов выставлял цену вдвое меньшую, чем другие поставщики. С 1718 года он стал единственным

поставщиком железа, якорей и пушек для русского флота, в результате чего обрел при дворе могущественных покровителей.

Теперь вся жизнь Никиты Демидова была связана с Уралом.

Он скупал за бесценок земли и крепостных. Строил новые заводы, налаживал работу на них. Рабочих рук не хватало, и Демидову приходилось вопреки строгим запрещениям Берг-коллегии переманивать к себе мастеров с казенных заводов. Он приглашал шведских пленников, знавших чугунолитейное дело, укрывал беглых. Производительность труда его рабочих была очень высокой. «Демидов, у которого нет и четвертой части приписных крестьян против казенных заводов, несмотря на то, отпускает железа вдвое более против казенных заводов», – писал руководитель уральской промышленности Василий Татищев, приезжавший с инспекцией на демидовские заводы.

В 1703 году Петр I приказал приписать к заводам Демидова две волости в Верхотурском уезде. С 1716 по 1725 год Демидов построил еще пять предприятий – молотовые заводы Шуралинский (1716 год) и Быньговский (1718 год), перерабатывающие чугун Невьянского завода, а также Верхнетагильский (1720 год), Нижнелайский (1723 год) и Нижнетагильский заводы.

В 1709 году по указу Петра I Никита основал в городе Невьянске цифирную школу. Никита Демидов обладал феноменальной памятью, лично вникал во все детали заводского хозяйства. Он проявлял «ревность к отечеству», поставляя продукцию в казну по более низкой цене, оказывал помощь деньгами и железом в строительстве Петербурга. Он внес большой вклад в освоение уральских горных богатств.

Специалистов по горнозаводским делам у Никиты Демидова было немало. Рудознатцы, мастера, владеющие искусством поиска подземных целей с помощью лозы, исходили весь Урал вдоль и поперек, открыли десятки крупных рудных месторождений. Одно из них, располагавшееся на берегу реки Чусовой, там, где река прорывается у подножия горы Волчихи через Уральский хребет, было открыто еще до появления Демидова на Урале в 1702 году. Никита Демидов испытал волчихинскую руду на Тульском заводе, убедился в ее качестве. Позже, в 1724 году, он получил право на разработку месторождения. Застолбив его, поначалу отец, а затем и Акинфий оказались, тем не менее, не в состоянии освоить рудник. Более того, им пришлось вскоре убедиться, что металл из волчихинской руды получался жестким и не выдерживал необходимых для оружейного металла нагрузок. Гораздо позже, уже в XX веке, причины столь странного поведения руды станут понятны: в ней будут обнаружены значительные примеси титана. Технологии XVIII века с подобными металлами справиться не могли.

В 1720 году Урал (преимущественно «демидовский») давал, по меньшей мере, две трети металла России. С 1716 года была начата отправка железа на экспорт. Между заводами были проложены дороги для транспортировки заводской продукции, расчищен судоходный путь по реке Чусовой, построены сплавные суда, пристани, склады. В 1722 году «таковых великих и прибыточных во всей России и в Швеции [заводов] едва найдутся ли». В 1720 году Демидов был возведен в личное дворянство.

В это время Никита Демидов уже обладал огромным авторитетом и имел влиятельных покровителей. Его заводы на Урале образовали фактическую монополию, он не допускал туда даже своего младшего сына Никиту Никитича. Не удивительно, что Демидов пользовался благосклонностью императора.

В 1722 году В.Н. Татищев, управляющий казенными заводами на Урале, начал проводить политику развития казенных предприятий на Урале для дальнейшей передачи их в частные руки. Демидов, увидев в этом угрозу своей монополии, оклеветал высокого чиновника перед царем. По розыску явилась вина Демидова против Татищева. Для расследования споров на Урал послан был Г. В. де Геннин, нашедший, что Татищев во всем поступал спра-

ведливо. Он был оправдан. Суд наложил на Никиту Демидова огромный штраф, и на Урале начала развиваться казенная промышленность. Демидовская монополия оказалась нарушенной, на Урале впервые появились другие промышленники, пока в основном в медеплавильной промышленности.

Начало использования асбеста, или как его называли «горного льна», по преданию, тоже связано с именем Никиты Демидова.

Демидовские мастера соткали из длиноволокнистого асбеста скатерть удивительной красоты. Во время визита Петра I Никита Демидов нарочно залил скатерть вином и жирной подливой и сказал царю, что «выстирает» ее огнем. Когда слуги убрали посуду, он сдернул скатерть со стола и бросил в пламя камина. Быстро выгорели жирные и винные пятна. Демидов выхватил скатерть из огня, встряхнул и снова накрыл стол, вызвав изумление царя.

Умер Никита Демидов 28 ноября 1725 года в Туле. Главное дело и достижение своей жизни – заводы – основатель промышленной династии Никита Демидов, согласно указу о единонаследии, решил оставить своему старшему сыну Акинфию.

Демидов Акинфий Никитич 1678–1745

Старший сын Никиты Демидова Акинфий был самым любимым из трех сыновей. И хозяин уральских металлургических заводов привлекал своего любимца к управлению предприятиями.

Никита Демидов прекрасно понимал значимость образования, и еще молодым Акинфий был послан отцом в Саксонию учиться секретам металлургического производства. Когда Никита Демидов на очень выгодных условиях получил от императора Петра I Верхотурские железные заводы, построенные на реке Нейве на Урале, первым из Демидовых туда был послан Акинфий. Старший Демидов ценил сына и доверял ему. Это событие по существу сделало Демидовых хозяевами Урала.

Именно ему и суждено было создать настоящую империю Демидовых, которая к середине XVIII века производила уже 52 % всего русского металла.

После смерти отца в 1725 году Акинфий получил все его недвижимое имение. В пользу Акинфия от своей части мужнина имущества в 1727 году отказалась и мать, вдова Никиты. Она умерла в 1830 году. Приняв наследство, Акинфий рьяно принялся за дело.

Вступая в свои доли наследства, братья Демидовы удостоились диплома, которым императрица Екатерина I в марте 1726 года возвела их в потомственное дворянское достоинство по Нижнему Новгороду «с привилегией против других дворян ни в какие службы не выбирать и не употреблять». Это дало им возможность на законных основаниях покупать крепостных рабочих для своих заводов. На работу охотно принимались беглые и старообрядцы. Из последних формировались также кадры смотрителей и управляющих заводами. Сотни крепостных работали на заводах в тяжелейших условиях. Провинившихся жестоко наказывали – пороли, заковывали в железные колодки, держали в сырых подвалах.

Столь же жестоко боролись Демидовы и с конкурентами, в том числе и с государственными предприятиями. Они не останавливались ни перед чем: переманивали мастеров, воровали руду, нападали на шахты, не позволяли другим заводчикам рубить лес. Не раз Демидовых обвиняли в захвате чужих земель, разработке месторождений без разрешения правительства, укрывательстве беглых, уклонении от уплаты налогов, подкупе должностных лиц. Но всякий раз им удавалось избежать наказания.

Аргументом в пользу заводчиков всегда было столь необходимое стране высокоэффективное производство, не имевшее аналогов ни в частном, ни в государственном секторе тогдашней экономики.

В 1737 году Акинфий обратился в Кабинет с просьбой всех его рабочих, формально еще числившихся свободными, считать его крепостными. В 1740 году Акинфий Демидов получил чин статского, а в 1744 году – действительного статского советника. В том же году указом Елизаветы Петровны было объявлено, что он находится под особым покровительством государыни.

Заводская часть отцовского наследства, перешедшая к Акинфию, состояла из семи действующих заводов – Тульского доменного и молотового (пущенного в 1695 году), Невьянского доменного и молотового (1702 год), Шуралинского молотового (1716 год), Бынговского молотового (1718 год), Верхнетагильского доменного (1720 год), Нижнетагильского молотового (1722 год).

Больше всего Акинфий ценил Нижнетагильский завод. Оборудование на заводе соответствовало лучшим русским и западноевропейским образцам. В 1725 году здесь была пущена первая домна, в то время крупнейшая в мире. Нижнетагильский завод вскоре пре-

вратился в крупнейшее предприятие мирового значения – Акинфий Демидов поставил на нем еще две домны. Полученный чугун предназначался для переработки на других предприятиях, поскольку завод был оборудован всего двумя молотами. С 1733 года на заводе началась также плавка черной меди. Доменное производство Нижнетагильского завода нуждалось в специальных молотовых заводах.

Акинфий построил еще девять железных заводов: Черноисточинский, пущен в 1726 году, Уткинский – в 1730 году, Нижнечугунский, Верхнечугунский и Корельский молотовые – пущенные в 1730 году, Ревдинский доменный – 1734 году, Верхнелайский молотовый – в 1742 году, Висимо-Шайтанский молотовый – в 1744 году.

У Акинфия Демидова была еще и «косная водяная фабрика», которую он пустил в сентябре 1735 года. Такой косной фабрики «и поныне [1737 год] ни у кого в России не имеется», – писал Татищев в отчете.

В Томском и Кузнецком уездах Акинфий Демидов обнаружил восемь рудных мест и вслед за этим просил разрешения «на тех местах медную руду копать и заводы заводить». Акинфий Демидов энергично взялся за строительство медеплавильных заводов.

Позволительный указ Демидов получил 24 февраля 1726 года, а Колывано-Воскресенский завод на речке Белой был пущен в сентябре 1729 года.

Помимо двух заводов – Колывано-Воскресенского и Барнаульского, построенных в Западной Сибири, – Акинфий Демидов поставил еще четыре медеплавильных предприятия, на этот раз в Кунгурском уезде.

Но Акинфий на этом не останавливается – в 1723 году был построен Бынговский кожевенный завод, в 1730 году пущена Тисовская пильная мельница, а также кожевенный завод при ней, начавший работу два года спустя.

Все время и силы Акинфий отдавал своим предприятиям. В одном из писем к князю Меншикову он писал, что фабрики, как малые дети, требуют постоянного внимания. Не щадя себя, Акинфий того же требовал и от других. Акинфий Демидов продолжал развивать инфраструктуру между своими заводами, расчищать речные пути, прокладывать дороги, строил новые заводы, в три раза расширив свои владения. Основывая новые заводы, он преследовал не только личные, но и государственные и общенародные интересы.

В подземельях Невьянской башни Акинфий Демидов вел тайную выплавку золота и серебра и даже чеканил рубли. Чеканку монет доказать не удалось, но нашлись убедительные свидетельства о секретной выплавке драгоценных металлов на Невьянском заводе. Золотую и серебряную руду на Урал доставляли с Алтая, где Акинфий Демидов завел свои рудники и заводы.

Еще летом 1725 года демидовские «рудоведы» наладили на реке Локтевке плавильную печь и отправили на Невьянский завод первые руды черновой меди с примесью серебра и золота. Следующим летом на Алтае поставили небольшой заводик с двумя плавильными печами. Осенью 1726 года по водам Иртыша в Невьянск доставили алтайскую черновую медь, чтобы доводить ее «до кондиций» в плавильных печах завода. Здесь ее перерабатывали, выделяя серебро и чеканя поддельную монету. Так проходила тайная выплавка серебра, положившая начало добыче его на Алтае. За первые десять лет здесь было добыто около 2000 пудов этого металла. Продолжалось это до тех пор, пока донос одного из мастеров не заставил Демидова сообщить правительству об открытии серебра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.